

УДК 008
ББК 87.6
Ф 93

Фрумкин, Константин.
Ф 93 После капитализма. Будущее западной цивилизации /
Константин Фрумкин. – Москва : Алгоритм, 2014. – 240 с. –
(Каким будет мир).

ISBN 978-5-4438-00936-6

Автор данной книги касается темы, которая сейчас волнует всех: старый мир рушится, каким будет новый мир? В своем оригинальном исследовании на основе богатого фактического материала он выступает с глубоким анализом современного состояния западного общества. Серьезный кризис, из которого никак не может выйти Запад, пишет он, затронул все сферы его жизни – политику, экономику, культуру, социальные отношения. Теперь уже понятно, что прежняя капиталистическая форма существования Запада подвергнется серьезным изменениям.

Что же ждет мир в посткапиталистическую эпоху, не будет ли крах капитализма сопровождаться такими бурными потрясениями, которые поставят под сомнение само будущее человечества? Кто станет новым мировым лидером, могут ли возникнуть новые мировые империи, что произойдет с политикой, с экономикой, с финансами, с общественными отношениями? Автор дает ответы на все эти и многие другие вопросы.

Не оставляет он без внимания и Россию, которой посвящены отдельные главы в его исследовании. Будущее нашей страны и нашего народа видится ему в несколько неожиданном ракурсе, но с его выводами трудно не согласиться.

УДК 008
ББК 87.6

ISBN 978-5-4438-0936-6

© Фрумкин К., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Часть 1

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ «МИРОВЫМ ЛИДЕРОМ» И КТО ИМ СТАНЕТ

«Национальный проект» для России

Примерно с начала этого века российские публицисты и политологи ведут дискуссию о необходимости отыскания для России «национального проекта». Это понятие, по-видимому, должно играть роль модернизированного заменителя устаревшего и приевшегося понятия «национальная идея», но его функции должны быть примерно теми же. Вокруг «национального проекта» сплачивается нация, он ложится в основу государственной идеологии, он оказывается стержнем всех усилий власти, и, наконец, в качестве своеобразного «бренда» страны он подчеркивает ее специфическую роль в мире и отличие от других государств. Последняя функция имела для авторов массмедиа особенно большое значение хотя бы потому, что многие участники дискуссии являются специалистами по рекламе и пиару и «национальный проект» стоит в их сознании в одном ряду с такими понятиями, как «товарный знак», «логотип», «слоган», «рекламная концепция» и т. п. Свой национальный проект должен в качестве бренда выделить Россию, как марки известных фирм выделяют выложенные на прилавки товары.

Правда, в 2005 году российская власть испортила всю дискуссию, назвав «национальными проектами» несколько пошлых социальных программ вроде программы развития

здравоохранения. Но, хотя понятие было испорчено, смысл дискуссии от этого не изменился.

В ходе газетно-журнально-интернетной полемики неоднократно с ностальгическими нотками вспоминалось наше «славное прошлое». Коммунизм — вот это был национальный проект! Или, скажем, фашизм — при всех недостатках и оговорках, но все же — национальный проект! Какие амбициозные задачи, какая оригинальная идеология, какая яркая символика, какая проявленная нацией энергия и, в конце концов, какой бренд!

Конечно, трудно принудить нацию к работе над проектом, сочиненным газетными витиями, но, с другой стороны, задача пишущей братии не столько давать «указания», сколько отыскивать имя для тех тенденций, которые и без того идут. Когда слово найдено, то процессы, шедшие подспудно, выходят наружу, как бы перетекают из сферы коллективного бессознательного в коллективное (и даже массовое) сознание и, будучи осознанными, могут даже ускориться, а на уровне правительственных решений — обрести некоторую целенаправленность.

Так что усилия политологов и пиарщиков нельзя назвать совсем уж бессмысленными — проблема лишь в том, что Проект (с большой буквы, а вовсе не «развитие здравоохранения») не ищется. Даже имя для происходящего вокруг нас — и то не отыскивается.

Конечно, на это можно заметить, что не вечно же государству находиться в состоянии исторического расцвета. Россия уже успела получить ту мировую славу, о которой многие другие страны не могли и мечтать. И русское искусство, и литература, и наши военные победы, и политическое влияние — все это в свое время получило мировое признание. На древних стенах многих восточных ханств были водружены русские стяги, и половина Европы контролировалась российскими сателлитами, и уже в XIX веке западные стратеги

начали задумываться, не будет ли Европа захвачена Россией; затем, после революции, 70 лет весь мир смотрел на Россию то с восхищением, то с отвращением, причем из этих 70 последние 40 лет вся мировая политика сводилась к вопросу: «За Россию или против?».

Впрочем, даже вся эта бывшая у нас слава — разве это было нашим «национальным проектом»? Точнее говоря, разве этот проект был «национальным»? Разве одна только русская история породила события, которые мы теперь называем революцией и социализмом?

Тут кроется важное обстоятельство, во многом объясняющее, почему «ищут писатели, ищут политики, и политологи, и аналитики», почему все они с лупой и телескопом разглядывают все происходящее с Россией, а национального проекта найти не могут.

Проблема в том, что нашумевшие на весь мир «проекты» по большому счету не были национальными. Мировой резонанс может получить только событие, являющееся функцией от мировой истории. И революция, и социализм, которые часто поминаются как примеры закончившегося, но достойного подражания проекта, не были в полном смысле слова проектом национальным.

Революция 1917 года в России лишь продолжила серию революций, охватившую весь мир — социалистическая революция в России стала результатом обстоятельств отнюдь не одной только русской истории. В ней, кроме прочего, можно видеть еще и действие мирового социалистического движения, понимаемого не только как совокупность социалистических организаций, но и как всемирную моду на социализм. Нет никакого сомнения, что социалистическое движение зародилось не в России и развивалось силами не одной только России. Российская общественная мысль конца XIX — начала XX века подчинила себя социализму одновременно и вместе с общественной мыслью многих других стран. При этом

российское социалистическое движение развивалось частично просто параллельно зарубежному, а частично будучи порождено и стимулируемо зарубежными влияниями. Российский социализм — движение, взявшее себе в кумиры немецких мыслителей, породившее Коминтерн и воспринимавшее себя как элемент мировой революции, — нельзя назвать в полном смысле слова «национальным проектом».

Впрочем, все размышления о мировом социализме, равно как и о классовых противоречиях внутри России или об эсхатологических корнях революции в народном мышлении, совершенно бессмысленны, если закрывать глаза на тот, казалось бы, совершенно очевидный, но удивительно часто игнорируемый факт, что вторая русская революция стала прямым следствием и непосредственным продолжением грандиозного события, определившего облик и Европы, и мира — мировой войны.

Русская революция произошла потому и только потому, что русская государственность, русская экономика и вообще народные силы, народное терпение были подорваны четырьмя годами войны. Брожение в армии, разруха в промышленности и на транспорте, всеобщее желание мира, подрыв авторитета власти как проигрывающей войну, отсутствие в столице надежных войск — каждый из этих факторов был порожден одной и той же причиной — войной.

Порождение войны

Движущей силой Октябрьской революции была солдатская масса; революция с самого начала имела мощную вооруженную организацию, легко преодолевающую начальное сопротивление власти именно потому, что многие миллионы граждан были мобилизованы, вооружены и превращены в солдат. Субстратом переворота были перешедшие на сторону революции воинские части, а также тысячи вооружен-

ных солдат, дезертировавших с фронта. Ключевым моментом в крушении монархии стало поведение генералов Ставки Верховного Главнокомандующего, чего, разумеется, не могло бы быть, если бы не было войны и царь не находился бы на фронте, в заложниках у собственного генералитета. Большевики получали денежную помощь от немцев, а ключевым пунктом их предреволюционной программы было заключение мира, так что многие после этого говорили, что упорное желание Временного правительства продолжать войну стало главной и роковой причиной октябрьского переворота. Революцию произвели солдаты мировой войны, мобилизованные и вооруженные благодаря мировой войне, под влиянием бедствий, вызванных мировой войной, через заполнение вакуума власти, образовавшегося из-за мировой войны.

Но в России война не только породила революцию — она предопределила облик всей постреволюционной реальности. Гражданская война, которая последовала сразу после революции, велась в таких масштабах и с такой жестокостью прежде всего потому, что страна располагала военными структурами и запасами, созданными для ведения мировой войны, и, кроме того, потому, что имелись миллионы людей, которые предварительно несколько лет учились на фронтах мировой войны воевать, убивать и относиться к человеческой жизни с презрением.

Лозунгом социалистов было «превращение империалистической войны в гражданскую», в сущности, так и произошло: гражданская война в России (равно как и гражданские войны в некоторых других странах) была непосредственным продолжением мировой войны, она началась после нее практически без перерыва, она велась солдатами, офицерами и оружием мировой войны на фоне милитаризованной мировой войной массовой психологии.

Сам социализм, как особая система управления и хозяйствования, объясним прежде всего исходя из контекста эпохи мировых войн. Начать следует хотя бы с того, что меры по на-

ционализации экономики, проводимые советским режимом в первые годы, фактически были продолжением тех национализаторских и централизаторских тенденций, которые имели место в политике еще царского правительства в ходе войны. Еще до революции война породила проекты национализации, например национализации аптек и кинематографа. Еще до революции были созданы чрезвычайные органы государственного управления экономикой. Разумеется, еще раз повторим, что война — явление не российской, а европейской (как минимум европейской) истории, поэтому централизация в управлении экономикой наблюдалась тогда в большинстве западных стран. В сфере национализации и изоляции экономики Россия, может быть, пошла дальше других стран, но она пошла дальше них по тому же самому пути, по какому шли и другие страны.

К этому надо добавить, что важной экономической предпосылкой социализма в России был высокий уровень концентрации промышленности. Было много больших заводов, крупные предприятия составляли очень значительную долю промышленности, при этом огромную роль в промышленности играли крупные корпорации. Высокий уровень концентрации промышленности имел значение по крайней мере по двум причинам. Во-первых, большие предприятия, сконцентрированные в ограниченном числе промышленных регионов (к числу которых относились и обе столицы империи), создавали отличную среду для деятельности революционных партий, для организации забастовок и беспорядков, создания революционных рабочих ячеек, а в периоды революций — для формирования отрядов Красной гвардии. С точки зрения экономики высококонцентрированная промышленность создавала предпосылки для организационно простой и представляющейся вполне логичной и закономерной национализации. Совершенно очевидно, что для социалистического государства сто крупнейших заводов будут во всех смыс-

лах более приоритетной мишенью, чем миллион ремесленных мастерских. Но высокая концентрация промышленности в России была порождена прежде всего государственным заказом, а следовательно, прежде всего военным заказом. И так, разумеется, было не в одной России. Усиленная подготовка к войне во многих странах мира породила к жизни полумонополистические тресты и концерны, которые теоретики большевизма считали готовым аппаратом будущей социалистической экономики.

Социалистическая экономика возникла в качестве инерции военной экономики времен мировой войны, а в дальнейшем она обрела «смысл существования» в качестве экономики подготовки к будущей войне. Вторая мировая война, к которой готовился советский режим, была, по сути, продолжением Первой мировой войны. Десятки невидимых нитей соединяют две мировые войны. Рассматривать Вторую мировую войну «отдельно» можно, только если забыть (кроме прочего), что нацизм пришел к власти главным образом вследствие экономического кризиса, произошедшего в Германии в результате Первой мировой войны, и послевоенных репараций; что политической программой нацизма с самого начала был реванш за Первую мировую войну, что значительная часть «Майн кампф» Гитлера посвящена анализу уроков Первой мировой войны.

Есть еще и множество других менее очевидных вещей; например, есть гипотеза, что слабое сопротивление французов немцам во Второй мировой войне объяснялось, кроме прочего, социально-психологическими последствиями Первой войны: потрясенная «мировой бойней» французская нация была просто не готова приносить такие жертвы вторично.

Перед нами войны-дубликаты или, может быть, даже одна война, парадоксально разделенная перерывом, большим по продолжительности, чем она сама, и все же недоста-точно долгим, чтобы убрать связность ее эпизодов.

«Тотальная мобилизация»

Итак, нет Второй мировой войны как отдельного феномена, нет русской революции как отдельного феномена. Статуса феномена, который можно рассматривать как сравнительно замкнутую историческую целостность, достойно лишь одно роковое, кровавое, с трудом осмысляемое явление истории, которое можно было бы назвать Эпохой мировых войн. Социализм и фашизм — двух братьев-антагонистов — стоит рассматривать как *необходимые перестройки государства и общества под нравы, дух и потребности эпохи мировых войн*. Между двумя войнами появилась книга Эрнста Юнгера «Тотальная мобилизация», в которой он весьма резонно отмечал, что старые монархии — и кайзеровская, и царская — рухнули из-за того, что они не были особо умелыми в осуществлении необходимой для ведения войны тотальной мобилизации. Социализм для этой функции подходит куда лучше. Ошибка Юнгера заключалась в том, что он принял античеловеческую, лишенную комфорта и дизайнера и требующую тотальной мобилизации эпоху за облик индустриальной эпохи вообще, в то время как мы теперь задним числом можем сказать, что точно подмеченные Юнгером антигуманные черты времени имели, к счастью, исторически преходящий характер и были связаны со специфическими чертами эпохи двуединой мировой войны.

Эпоха мировых войн завершила XIX век европейской истории — век, полный веры в прогресс, непрерывность исторического развития и не знавшего сомнений евроцентризма. Началась совершенно иная эпоха, которую с позиций отдаленного будущего можно рассматривать одновременно и как чудовищный перерыв истории, как ее «кровавую лакуну» и одновременно как ускорение человеческого развития. Важнейшим политическим результатом этой эпохи стало крушение европейских колониальных империй и вообще «уход» Ев-

ропы с мировой политической сцены. Завершилась двухсотлетняя история человечества, управляемого (даже не столько политически, сколько через механизм культурных и экономических эталонов) из Лондона и Парижа. Место европейской политики в мировой истории заняло противостояние США и СССР, ныне известное под названием «холодной войны».

Поскольку политический расклад, приведший к холодной войне, был не чем иным, как результатом Второй мировой войны, то есть все основания сложить две эпохи — тридцатилетие мировых войн и сорокалетие «холодной войны» — в одну макроэпоху, которая, собственно говоря, и является XX веком политической истории «в узком определении». Конечно, всякая граница условна, и все же о границах XX века, как единого исторического и политического зона, иногда называемого «новейшей историей», можно говорить с большей определенностью, чем о границах иных эпох. Для Запада, для России, для Турции, и, вероятно, также для Японии, и, возможно, для Китая XX век начался примерно в 1914 году и закончился приблизительно в 1991 году с распадом СССР. В 1990-х годах начался переход к еще неведомому XXI веку.

Хотя понимаемый таким образом XX век длился всего семьдесят с небольшим лет, но событий в нем хватило бы и на несколько более мирных столетий. Прежде всего, эпоха трех войн привела к ускоренному взрослению западного человечества. В течение ограниченного числа лет ему открылись истины, на осознание которых в другое время ушли бы века. Первая мировая война подорвала веру в прогресс, в разум, в европейскую цивилизацию, а также в войну как в сколько-нибудь осмысленное занятие. Вторая мировая война завершила этот процесс, открыв бездны возможной бесчеловечности, а также тонкость тех «дамб», которые цивилизация пытается возводить вокруг этих бездн.

Вторая мировая война закончилась появлением ядерного оружия, предопределившего облик холодной войны. Несмотря на то что ядерное оружие практически не применя-

лось, оно оказало глубочайшее влияние на менталитет, столкнув всех с представлением о смертности человечества, с понятием ответственности перед будущими поколениями и, главное, создав само понятие «глобального вызова» и «глобальной проблемы».

Глядя на все это задним числом, можно увидеть, что и существование СССР, несколько более долгое, чем мог предположить здравый смысл, и его крушение, гораздо более быстрое, чем здравый смысл мог ожидать, было скорее элементом мировой истории, и его очень трудно понять, рассматривая историю России как единственного в мире или по крайней мере сильно изолированного государства.

Поэтому и будущее России, и «национальный проект», который мог бы вдохновить, сплотить, породить идеологию и послужить временным заменителем национальной идеи, можно «угадать», только глядя по сторонам и наблюдая, какую эпоху переживает человечество и какие ближайшие этапы ожидают мировую цивилизацию.

Навстречу всемирной империи

Характер переживаемых сегодня цивилизацией процессов ни для кого секретом не является. Большая часть человечества охвачена процессом глобализации. Экстраполируя эту тенденцию, можно выдвинуть достаточно достоверный прогноз, что глобализация должна в конечном итоге привести к образованию мирового государства, управляемого мировым правительством.

Все активнее осуществляются большинством государств мира усилия по развитию мировой торговли, подписанию международных конвенций, созданию региональных и международных организаций, таможенных союзов и «единых пространств». Делегирование полномочий наднациональным органам не может иметь иного завершения, как слияния

большинства стран мира в планетарную конфедерацию с единым правительством и, вероятно, с единой денежной единицей. Этого требуют стоящие перед человечеством задачи, такие как необходимость регулирования глобального капитала, решение глобальных энергетических проблем и, вероятно, освоение окружающего космического пространства. В конце концов, к созданию «братства народов» сводятся прогнозы большинства мечтателей, утопистов и фантастов последних веков, причем «мировое государство» легко существует как в жанрах утопии, так и антиутопии. Конечно, фантастика рассказывает нам о битвах звездных империй с галактическими федерациями, но там речь идет о государствах, охватывающих целые планеты, и пока наша цивилизация еще не столкнулась с проблемой марсианского или сатурнианского сепаратизма, Земле, видимо, предстоит сформировать единственное государственное и одновременно надгосударственное образование.

Следует отметить, что значительная часть тех политических сил, которые сегодня существуют под ярлыком «антиглобализма», не являются врагами глобализации и мирового объединения — они только требуют, чтобы глобализация осуществлялась под знаком решения социальных и экологических проблем человечества, они протестуют против «злоупотребления» глобализацией со стороны богатейших держав и корпораций, использующих ее в своих интересах. Так что проблематика антиглобализма ставит вопрос не о смене интеграционного вектора, а только о корректировках глобализации.

«Громкими», перспективными и приносящими славу национальными проектами в наше время могут быть только те, которые в конечном итоге будут способствовать строительству мирового государства. Первое, разумеется, что приходит в голову в этой связи, это политика США с их «империалистическими» войнами, развязываемыми в разных частях мира. Здесь хотелось бы сделать важную оговорку: та ком-

понента американской политики, которая является «имперской», то есть та, которая вытекает из национального эгоизма, сплывленного со стремлением непосредственно подчинить себе другие страны, с точки зрения общего вектора развития человечества является реакционной и идущей против общемирового течения, и именно поэтому «имперская» американская политика не имеет исторических перспектив и не может иметь особо важных отдаленных последствий. Это, впрочем, не означает, что американская политика вообще не имеет важных последствий — наоборот, сам факт, что США ведут активную международную политику и время от времени затевают войны, несомненно, способствует изменению облика планеты. Это, например, можно разобрать на примере иракской войны.

Рациональное объяснение захвата Ирака американцами не такое уж простое дело. Российская пресса особенно напирает на стремление американцев контролировать иракскую нефть, но это объяснение хорошо лишь потому, что отсутствуют лучшие: нефтяные запасы являются единственным достоянием Ирака, которое, руководствуясь логикой войны XIX века, имело бы смысл захватывать. Однако у этого объяснения есть много проблем. Во-первых, затраты США на войну столь огромны, что незначительная «скидка», которую американская экономика могла бы иметь после войны при закупках нефти, их явно не окупит в ближайшем будущем. Во-вторых, кто бы ни был хозяином нефти в послевоенном Ираке — иракское правительство или американские корпорации, — он все равно не захочет поставлять нефть на рынок по ценам ниже рыночных. В-третьих, пока что иракская война способствовала исключительно вздуванию мировых цен на нефть и дестабилизации поставок из Ирака. В-четвертых, даже если бы последствием войны стала стабилизация поставок по сниженным ценам, то в стратегическом плане никакой пользы американской экономике это бы не принесло, поскольку ис-

точники дешевого сырья замедляют инновационные процессы. В 2006 году, когда окончательно выяснилось, что поставки с Ближнего Востока остаются нестабильными, а цены не думают падать, президент Буш-младший провозгласил курс на уменьшение зависимости США от ближневосточной нефти, потребовал ускоренного развития ядерной и альтернативной энергетики, и в этом было гораздо больше смысла, но эти решения если и были последствиями иракской войны, то шли вразрез с логикой, приведшей к развязыванию войны.

Для оценки любой войны важно, что намерения организаторов войны не всегда совпадают — а точнее, всегда не совпадают — с ее объективными результатами и последствиями. Намерения политиков не всегда становятся известны широкой публике, к тому же они бывают мелочными и случайными. Не исключено, что Буш-младший придавал большое значение официальной причине войны — наличию у Хусейна ядерного оружия. Возможно, он думал о нефти. Нельзя исключать, что среди мотиваций, руководящих американской администрацией, были и совсем мелкие вроде заботы о президентском рейтинге или о прибыли американских компаний, специализирующихся на обслуживании нефтедобычи. Нельзя совсем сбрасывать со счетов идеалистически-романтические мотивы вроде дарования демократии народам, страдающим от тирании. Какие-то из этих тактических целей были достигнуты, какие-то, видимо, нет, но для истории человечества большая часть этих целей является мелочью, которой суждено остаться в прошлом и которая не повлияет на судьбу будущего, чем бы ни закончилась война. Здесь стоит вспомнить, что в «Майн кампф» Гитлера среди важнейших аргументов, обосновывающих необходимость будущей экспансии на восток, был тот, что растущее немецкое население в условиях ограниченности сельхозугодий будет невозможно прокормить. После этого была страшная война, человечество было потрясено, Гитлер покончил с собой, Германию расчленили победители, и единственное, чего не узнал немецкий народ, несмотря ни на

какой послевоенный кризис, так это голода вследствие нехватки земли.

Мотив войны — даже самой страшной войны — может оказаться бессмысленным или тайным, но объективные и масштабные последствия войны спрятать гораздо труднее, чем намерения главнокомандующих. А главное последствие иракской войны для самого Ирака заключается в том, что эта ближневосточная страна стала ближе к системе глоболизирующейся западной цивилизации. Война расчистила систему экономического и культурного общения с западным миром и таким образом «вовлекла» Ирак в объединяющееся, глоболизирующееся человечество — человечество, объединение которого происходит, конечно, при культурном доминировании Запада, однако при вполне суверенном соучастии других регионов мира.

Можно вполне согласиться с мнением английского социолога Зигмунда Баумана, который, говоря об операции «Буря в пустыне», а также об операции НАТО в Косове, заметил: «Территориальные приобретения не являются целью этих войн; напротив, нападавшие более всего остерегались и тщательно избегали вторжения и взятия территории под свой контроль; предотвращение такого хода событий было главным, а возможно, и решающим фактором в стратегических расчетах. Целью войны было заставить врага, противящегося открытию своей территории «глобальным силам», подчиниться, но при этом обязать его нести ответственность за текущие повседневные дела, оставляя ему необходимые ресурсы, позволяющие поддержать привлекательность и приспособленность территории для мирового и финансового капитала и в то же время недостаточные для осуществления новых попыток превращения страны в неприступную крепость. Целью нового типа «глобальной войны» выступают не территориальные приобретения, а открытие дверей, оставшихся закрытыми для свободного перетока глобального капитала. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что такая война — это